DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02

РОССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Торкунов

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН, ректор, МГИМО МИД России, Москва, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Торкунов А.В. 2022. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 7-22. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02

Статья поступила в редакцию: 02.07.2022. Принята к публикации: 05.08.2022

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наиболее перспективных стратегий развития политической науки и теории международных отношений. В условиях стратегической нестабильности востребованы результативные институты как национального, так и глобального управления, призванные устанавливать и эффективно поддерживать нормы коллективного действия. Неоспоримый приоритет – с точки зрения международного права, репрезентативности, институционального регулирования, политической миссии и функциональной роли – остается, по мнению автора, за ООН. Существенную роль призваны сыграть активно формирующиеся наряду с традиционными международными организациями новые структуры при доминирующем влиянии восходящих держав. Вопреки распространенному мнению, влияние международных институтов не сопряжено со снижением роли национального государства. Автор полагает небезупречной идею о первостепенной угрозе со стороны так называемых избыточно "жестких" государств: в настоящее время назрела своего рода "концептуальная реабилитация" *состоятельных* в плане эффективности государств с устойчивой центральной властью. В контексте глобальной турбулентности наибольшую опасность представляют не "жесткие", а именно "хрупкие" – *несостоятельные* – государства. Рассмотрение в статье регионального измерения современных политических процессов показывает очевидность размывания вектора глобализации в ходе масштабно усиливающейся регионализации в ее разнообразных проявлениях, включая макрорегионализацию и глокализацию. Отдельным вызовом и одновременно новым горизонтом возможностей политической науки, политического управления и международных отношений предстают процессы всеобъемлющей цифровизации, включая использование в политической аналитике больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (AI) и иных новейших технологий. Это актуализирует усилия России по формированию цифрового суверенитета. Трудно переоценить и роль исторического сознания: именно исторический опыт формирует систему координат для оценки текущих событий и обоснование прогноза развития. Естественным драйвером этого процесса предстают университеты, которые в сотрудничестве с местными и региональными сообществами формируют векторы социокультурной активности и ответственности.

Ключевые слова: Россия, США, политическая наука, теория международных отношений, политические исследования, политический порядок, РАПН.

Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...
Ф.И. Тютчев

Вынесенные в эпиграф строки Федора Ивановича Тютчева из стихотворения "Цицерон", опубликованного без малого два столетия на-

зад[1], можно считать своеобразным метафорическим обобщением промежуточного итога авторских размышлений о происходящем в последние месяцы в стране и в мире. Уместно упомянуть, что Тютчев вошел в нашу историю как поэт, немало лет посвятивший отечественной дипломатической службе. Поэтому его творчество подпитывалось не только жизненным опытом и озарениями, но и раздумьями об отношениях между державами, прежде всего о непростом взаимодействии России и зарубежной Европы.

Можно также вспомнить мысль Г.В.Ф. Гегеля из Введения к его "Лекциям по философии истории": "Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности..." [Гегель 1993: 79]. Да, периоды тектонических трансформаций нечасто радуют их участников и современников, но предоставляют редкую ("блаженную") возможность понять глубинные закономерности бытия и мироздания, перехода от "общего и внутреннего к объективности" [там же].

Размышлениям, положенным в основу этой статьи, был дан импульс дискуссией о перспективных направлениях политической науки, в которой мне довелось участвовать в ходе состоявшегося в декабре 2021 г. в МГИМО МИД России IX Конгресса Российской ассоциации политической науки (РАПН). Прошедший форум был не рядовым: он завершил юбилейный год 65-летия этого ведущего профессионального сообщества России в сфере политологии. Сегодня могу констатировать, что эвристический потенциал РАПН в полной мере востребован – и для осмысления нашего сложного времени, и в сфере практической политики – многие нововведения зарождаются именно в недрах академических и экспертных сообществ, и это общемировая закономерность.

Для политической науки, как и для теории международных отношений, актуальной остается не только задача внедрения фундаментальных теорий в практическую политику, но и вопрос о том, как получить максимально объективное научное знание, учитывая вероятностную природу социального познания и альтернативистскую по сути природу человеческой деятельности [Торкунов 2019: 9]. Проблема качества экспертизы сегодня стоит остро. Мировой опыт знает разные модели организации экспертизы, в том числе директивные, конкурентные, смешанные; инициированные "снизу" и призванные "сверху". Эффективная система сопряжения политического истеблишмента и академического сообщества сложилась в США, позволяя оперативно реагировать на возникающие вызовы. Ей свойственны диверсифицированная структура, множественность источников финансирования, разнообразие политико-концептуальных подходов, высокий уровень состязательности. Возможности подобной децентрализации основаны на диверсификации финансовых источников и системе налогового стимулирования; немаловажную роль играет значимый статус аналитических центров и их роль в разработке политических стратегий.

Впрочем, исследование этой системы показывает, что присущая ей конкуренция неоднозначно влияет на качество научно-аналитического сопровождения американской политики. С одной стороны, состязательность способствует большей независимости, стремлению к большей оперативности

[1] Эта знаковая цитата из поэтического наследия Ф.И. Тютчева приводится в версии первой публикации в журнале "Десница" в 1831 г.; в автографе (и ряде позднейших изданий) она дается иначе: "Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые".

и практической значимости, а с другой – порождает фрагментацию исследований. Нередко она сочетается с пропагандой и/или лоббизмом и несет на себе печать идеологизации интеллектуальных продуктов, тем самым увеличивая риски разрыва между фундаментальной университетской наукой и политико-академическим комплексом [см. Истомин 2021].

В контексте более широкого взгляда на актуальную повестку дня политической науки как приверженец классической школы позволю себе обратиться к размышлениям относительно ключевых смысловых оснований темы, включающей концепты *институтов, ценностей и перспектив*, которая была в центре дискуссий IX Конгресса РАПН.

Институциональная перезагрузка

Прежде всего об институтах. Мы привыкли к мысли, что современный мир меняется стремительно. Но мы не в полной мере осознаем, *насколько быстро* возрастают темпы перемен и *насколько глубоки* перемены. Это определяет содержание "больших вызовов" в повестке отечественной политологии. В свое время структурированию мировой теории международных отношений (ТМО) серьезно способствовали *"Большие дебаты",* благодаря которым были подвергнуты осмыслению и переосмыслению ключевые основания ТМО. Пожалуй, аналогичные "Большие дебаты" в наше время могут стать продуктивным механизмом развития и отечественной науки о политике и международных отношениях, повышающим их сопряжение с пришедшим в движение объектом – переформатируемой в настоящее время системой международных отношений и мировой политики в целом. Если принять во внимание исключительную подвижность грани, отделяющей внутреннюю и внешнюю политику, очевидна востребованность взаимного обогащения методологических подходов политической теории и теории международных отношений, что позволит найти эффективные подходы к решению международных проблем [Торкунов 2020; Гаман-Голутвина 2016].

Ряд вопросов международной повестки дня действительно требует нового взгляда. Так, бесславное завершение операции США и их союзников в Афганистане, на которую было затрачено около 3 трлн долл., а ранее – аналогичной операции в Ираке с таким же огромным бюджетом и драматическими последствиями, ставит вопрос о соответствии требованиям времени многих устоявшихся концептов, в том числе подходов к урегулированию конфликтов, "имитационной демократизации" и постконфликтному миростроительству [Барановский 2021].

В условиях нарастания нестабильности востребованы результативные институты не только национального, но также глобального управления, призванные устанавливать нормы коллективного действия. Однако приходится признать, что для многих из них – как для тех, что имеют длительную историю, так и относительно недавно созданных ("Группа двадцати"), – достижение эффективности остается актуальной задачей.

Неоспоримым приоритетом с точки зрения институционального регулирования и влияния остается ООН – по ряду причин, начиная с исторической уникальности и заканчивая ролевой незаменимостью этой организации. Неоспорима ее политическая миссия, придающая легитимность акциям международного сообщества. ООН остается источником международного права и несравнима ни с какими иными структурами по своей репрезентативности.

Важна также ее функциональная роль – исключительно "по линии ООН" проводится деятельность по десяткам конкретных направлений. При всех упреках в адрес ООН замены ей пока не предвидится, а ее востребованность возрастает. Перефразируя слова Вольтера, признаю: "Если бы этой организации не было, то ее пришлось бы изобрести"...

Система международных институтов, созданная в рамках Ялтинско-Потсдамского миропорядка и подвергавшаяся впоследствии серьезной эрозии при формировании однополярного мира 1990-х годов, испытывает серьезные нагрузки. В сфере глобального экономического управления доминируют структуры Бреттон-Вудса, которые – сегодня это очевидно – перегружены в связи с усложнившимся набором задач и необходимостью учитывать интересы всех заинтересованных сторон. Рамка ВТО оказалась слишком узкой; рост числа региональных и трансрегиональных соглашений с появлением ВТО не только не замедлился, но и заметно возрос; к тому же еще администрация Д. Трампа своими действиями существенно "расшатала" доверие к международной торговой системе.

Сегодня наравне с традиционными международными организациями формируются многосторонние диалоговые форматы, а также новые структуры при доминирующем влиянии восходящих держав, призванные реформировать мировую систему в интересах новых центров силы. Россия стала инициатором и соавтором нового институционального строительства, несомненные достижения которого – учреждение и укрепление ШОС, ОДКБ, Евразийского экономического союза и Евразийского банка развития, БРИКС, Форума стран экспортеров газа, ряда субрегиональных структур.

Общие подходы к выработке решений предлагают международные "клубные группы". Стоит признать, что попытка подмены/компенсации "жестких" международно-правовых учреждений клубами типа "семерки" и "двадцатки" дала ограниченный эффект. Эти механизмы действенны прежде всего в экономической сфере, но на политическом поле их слабость очевидна. Чего стоит неформальный клуб лидеров, если он в одночасье меняет свою повестку дня, отвергает одного из участников, подходы которого к конкретной проблеме оказались иными, чем у коллег по клубу? Впрочем, и клубы способны демонстрировать характер. В апреле 2022 г. президент США Джо Байден выступил за исключение России из G20, однако вынужден был признать, что ряд государств – участников G20 не поддержали это решение. Министр финансов Соединенных Штатов Джанет Йеллен констатировала: "Для отстранения страны от любого участия требуется высокий уровень согласия во многих форумах, включая G20. И там не было такого уровня согласия..."[2].

После интеграции и аккомодации в западные "конвенциональные" институты восходящим державам удалось несколько изменить соотношение сил в свою пользу. На протяжении последних лет довольно интенсивно шла работа по линии ШОС, которая является главной институциональной опорой системы комплексной безопасности "Большой Евразии" и регионального порядка, и – по мнению некоторых экспертов – также ядром коллективного "не-Запада". Запущена процедура вступления Ирана в данную Организацию, а партнерами по диалогу ШОС в сентябре 2021 г. стали Катар, Египет и Саудовская Аравия. С учетом того факта, что ранее данный статус

[2] В G20 нет достаточной поддержки для исключения России, заявили в США. *РИА Новости*, 21.04.2022. https://ria.ru/20220421/g20-1784779950.html (accessed 20.06.2022).

получила также Турция, в настоящее время ключевые державы Ближнего Востока уже взаимодействуют с ШОС. С учетом географического нахождения Египта на африканском континенте ШОС теперь не только паназиатская организация, но также имеющая широкий круг интересов и в Африке.

Наибольшее влияние новых центров силы заметно в системе финансово-экономического регулирования, где среди незападных стран лидирует КНР. Показательно, что КНР активно тестирует использование цифрового юаня и развивает Трансграничную межбанковскую платежную систему (в июне 2021 г. прошло ее тестовое сопряжение с российской СПФС). После полномасштабной международной экспансии цифрового (крипто-) юаня в рамках инициативы "Один пояс – один путь" предполагаются кардинальные изменения на рынке международных расчетов, что ожидаемо приведет к частичной девальвации традиционных институтов финансового управления (в первую очередь МВФ). По мере продвижения цифрового юаня финансовой штаб-квартирой незападного мира станет, по-видимому, Пекин.

2022 г. может стать в целом поворотным в вопросе глобального влияния доллара на мировую экономику и серьезной проверкой на прочность для евро. Сомнения в функциональности и необходимости этих валют могут оказаться для них фатальными[3]. Все громче звучат заявления экспертов и политиков различной национальной принадлежности о том, что грядет эпоха региональных валют и странам предстоит договариваться о новом финансовом порядке, предполагающем всеобъемлющую перенастройку зон хозяйствования на государственных уровнях. Фактически глобальные державы и сферы их влияния потенциально будут определены не столько границами государств, сколько глобальными рынками применения и взаимного признания национальных валют. Введение беспрецедентных по охвату антироссийских рестрикций становится триггером распада мировой финансовой системы на отдельные макрорегиональные кластеры. Вряд ли это было целью инициаторов санкций, что дает основание еще раз вспомнить Г.В.Ф. Гегеля: результаты действий людей порой радикально отличаются от их исходных целей...

Таким образом, сформировалась сеть параллельных управленческих институтов, призванных функционировать наравне с устоявшимся каркасом международных учреждений, что позволяет говорить о формировании "параллельного" институционального управления. Идеальной координации между "новыми" и "старыми" структурами достичь пока не удается; в большей мере сопряжение работает в сфере мирохозяйственных связей; систематизировать политические процессы весьма непросто.

Мониторинг эффективности участия России в деятельности международных организаций в интересах повышения потенциала ее международного влияния может стать перспективным полем грантовой деятельности российских ученых. По мере усиления неопределенности международной ситуации особую важность приобретает сопоставление преимуществ от членства России в традиционных организациях (МВФ, Всемирный банк), альтернативных механизмах глобального управления, создаваемых с участием КНР (БРИКС, ШОС,

[3] Мощный импульс развитию региональных валют был получен в условиях украинского кризиса 2022 г. Ответом на введение антироссийских санкций, не имеющих по масштабу аналога в мировой практике и включающих замораживание активов Центрального банка РФ, стало адресованное "недружественным странам" требование президента Путина оплачивать российский газ в рублях.

АБИИ[4]), а также качественное и ускоренное развитие евразийских институтов (ЕАЭС, СНГ и ОДКБ) с доминирующей ролью РФ.

Оборотной стороной значимой организационной роли в международных институциях выступает необходимость внесения существенного финансового вклада в их деятельность, что в условиях финансовых рестрикций не всегда является оптимальной стратегией. В структурах, в которых интересы сторон сопрягаются, возможно софинансирование проектов, в том числе необходимых для РФ, за счет долевого участия других стран. Такое сотрудничество складывается у России с Новым банком развития, ЧБРР[5] и АБИИ, хотя доля РФ в данных институтах не превышает 20%, а в АБИИ и вовсе составляет 5,9%.

Продолжая обсуждение темы институтов, уместно обратиться к рассмотрению новых тенденций в понимании роли национального государства. Идея о том, что угрозу несут прежде всего так называемые избыточно "жесткие" государства, сегодня не представляется безусловной. За прошедшие два столетия немало "критических стрел" было выпущено в адрес концепций, ставящих государство в центр социальной и культурной жизни, включая "пангосударственную" теорию Г.В.Ф. Гегеля, для которого национальное государство было высшим произведением духа народа (*Volksgeist*) и, как духовно-нравственный организм, понималось им не как стоящее над индивидами, но пребывающее в них самих, а потому – как "осуществление свободы" [Гегель 1993: 90]. Сама возможность сосуществования разнообразных народов, каждый из которых склонен чтить свою правду и своих богов, ставилась тем самым в зависимость от их готовности принять единые нормы и отказаться от былого своеобразия во имя общей гармонии.

СОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ

В экспертном сообществе вызревает понимание необходимости своего рода "концептуальной реабилитации" *состоятельных* – в смысле *эффективности* – государств с устойчивой центральной властью, способной результативно исполнять социальную миссию государства. Не "жесткие", сильные, а именно "слабые", "хрупкие", или "терпящие поражение" – *несостоятельные* – государства представляют наибольшую опасность. Такой содержательный разворот концептуальной оптики стал принципиальной новацией начала XXI в.: источником угрозы в настоящее время признается не "сильное", а "слабое" государство: именно оно генерирует угрозы нестабильности, неконтролируемой миграции, этнополитических конфликтов и др. (см., например, [Kostovicova, Bojicic-Dzelilovic 2009]).

Введенный в научный оборот Дж. Неттлом термин *"государственная состоятельность"* [Nettl 1968] получил широкое применение и разработку[6]. "Слабое государство" находит разнообразную концептуализацию в научной литературе XXI в. В качестве версий были дополнительно предложены понятия "мягкое государство" (*soft state*), "проваливающееся, или хрупкое" (*failing*

[4] АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, международная финансовая организация, создание которой было предложено Китаем (*прим. ред.*).

[5] ЧБРР – Акционерное общество "Черноморский банк развития и реконструкции" (*прим. ред.*).

[6] Идея Неттла заключалась в разведении понятий "государственная состоятельность" (*state-ness*), "государственная статусность" (*statehood*) и "национальность" (*nation-ness*). Литература с анализом природы государства весьма обширна. Среди отечественных исследований в этой области следует отметить: [Соловьев 2021; Ахременко, Горельский, Мельвиль 2019].

and fragile), недоконсолидированное" (*under-consolidated*), "минималистское" (*minimal*), "полое" (*hollow*), "находящееся в зоне риска" (*at risk*), "обрушившееся государство" (*collapsed state*). Их общим знаменателем выступает констатация неудовлетворительного действия структур, претендующих на статус государства. "Слабое государство" некачественно выполняет ключевые задачи; "провалившееся государство" в определенный период оказывается неспособным выполнять одну или несколько таких функций, а термин "разрушенное государство" означает невыполнение базовых предназначений государства [Kostovicova, Bojicic-Dzelilovic 2009].

Одним из проявлений дисфункциональности слабого государства следует признать его неспособность выполнять одну из важнейших его задач, а именно – обеспечение безопасности. Причем угрозы государственной устойчивости ввиду слабости институтов могут исходить как "снизу", так и "сверху". На рубеже XX-XXI вв. доминирующим трендом эволюции международных отношений стала транснационализация повестки дня безопасности. Транснационализация и экономическая глобализация проблематизируют основополагающие концепты "суверенитета", "территориальности" и "безопасности" [Bigo 2000]. Эта тенденция на нова, Зигмунт Бауман, например, указывал на то, что глобальные ТНК стремятся ослабить национальные государства: "слабые государства – это именно то, в чем новый мировой порядок, слишком часто обладающий чертами нового мирового беспорядка, нуждается, чтобы поддерживать и воспроизводить себя. Слабые, 'квазийные' государства легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка" [Bauman 1998: 68].

В ряду ключевых механизмов ослабления институтов государства в последние десятилетия XX в. возросла роль всеобъемлющей маркетизации, в ходе которой модель *нации-государства* (*nation-state*) вытеснялась *рыночным государством* (*market-state*) [Gaman-Golutvina 2008]. В рыночном государстве главной экономической ареной предстает рынок (*marketplace*), вытесняющий в этой функции фабрику. Американский мыслитель Филипп Боббит писал: "В эпоху наций-государств государство брало на себя ответственность за благосостояние групп. А государство в рамках модели *market-state* несет ответственность за максимальное увеличение возможностей, доступных индивиду. Это означает снижение транзакционных издержек выбора, который делает индивид, что определяет ограничение, а не усиление правительств" [Bobbitt 2003]. По сути, обеспечение эффективности глобального рынка предстает главной миссией маркетизированного государства. Кэнъити Омаэ, японский специалист в области стратегического менеджмента, предложил метафору "регион-государство" / "регион-экономика", которую он определял как результат соотношения спроса и предложения – "естественную деловую единицу глобальной информационной экономики", формирование которой определяется сугубо рыночными (а не социальными и/или историко-культурными) факторами и процессами глобализации и которая по существу предстает матрицей глобальной системы [Ohmae 2000].

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ, "МИР РЕГИОНОВ" ИЛИ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Пятнадцать лет назад в МГИМО был реализован масштабный инновационный проект "Политический атлас современности". Его разработчики предложили эффективный аналитический инструмент – "Индекс государственности", использование которого в прикладном анализе определенно показало: чем

сильнее государство, тем более высокую оценку оно получает. По-видимому, пришло время реактуализировать данные подходы, и перед отечественными политологами стоит амбициозная задача – разработать новые концептуальные подходы в сравнительно-политических исследованиях, в оценке содержания и критериев прогресса (как социально-экономического, так и политического) в так называемых "хрупких" государствах, к категории которых, к сожалению, с полным основанием могут быть отнесены многие политии.

В самое последнее время становится все более очевидным размывание преобладавшего на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий вектора глобализации в результате масштабно усиливающейся регионализации во всей совокупности ее проявлений, включая макрорегионализацию и глокализацию. Данное обстоятельство, несомненно, актуализирует усиление *методологических ракурсов регионализма и объемное осмысление тематики регионального разнообразия в турбулентном контексте* (обзор современных методов региональных исследований см. [Ahram, Köllner, Sil 2018; Simmons, Smith 2021; Mahoney 2021; Лагутина, Михайленко 2020]).

На этом последнем сюжете стоит остановиться подробнее. Использование методологического потенциала регионализма предполагает осмысление его эволюции. Первый период этой эволюции – так называемый *старый регионализм* [Söderbaum 2009: 10-16] – отмечен пониманием региона как группы сопредельных стран, объединенных по критериям экономико-географического родства, близости по национальному составу и культуре, или однотипности общественно-политического строя. Существенным отличием сложившегося в конце 1980-х годов "нового" регионализма стал его многоаспектный характер, в отличие от прежнего, ориентированного преимущественно на экономическое измерение. Кроме того, сторонники "нового" регионализма предложили понимание регионализации как процесса, стимулированного преимущественно "изнутри" региона.

Параллельно с теориями "нового" регионализма получили развитие исследования "мира регионов" [Katzenstein 2005; Acharya 2003], отмеченные отказом от европоцентричной модели построения региона. Синтез двух подходов – "нового регионализма" и подходов "мира регионов", – ожидаемо произошедший в первой декаде XXI в., положил начало третьему этапу региональных изысканий с акцентом на сравнительное рассмотрение регионализма в Европе, Азии, Африке и в обеих Америках [Söderbaum 2009: 483-489]. Вскоре компаративные проекты претерпели дальнейшую эволюцию, получив определение "концептуального плюрализма" [De Lombaerde et al. 2010]. При этом продвижение на пути изучения регионализма обнаружило большую, чем прежде, область непознанного и в обновленном контексте актуализировало более ранние дебаты о содержании понятий "регион", "регионализм" и "регионализация".

В теоретическом плане компаративный регионализм предоставляет возможность для сопряжения различных теоретических подходов к рассмотрению *регионального сотрудничества* [ibidem]. Сложилось два базовых методологических подхода к исследованию регионов: первый, предполагающий использование преимущественно качественных методов изучения, оперирует одним конкретным кейсом с учетом исторических обстоятельств развития региональных связей в конкретном регионе. Второй, основанный на использовании преимущественно количественных методов, предполагает выявление сходных параметров посредством формальных стратегий анализа. Данные подходы применяются для

рассмотрения экономических аспектов регионального сотрудничества [ibidem; Лагутина, Михайленко 2020]. Содержательная эволюция регионализма определяется движением от понимания региона преимущественно как пространства, расположенного между национальным и локальным уровнями внутри отдельно взятого государства (микрорегионы) к выходу на макрорегиональный уровень. Кроме того, наметилась тенденция перехода к так называемому *мягкому*, или неформальному, регионализму, охватывающему также негосударственных акторов (бизнес и гражданское общество) в региональном сотрудничестве [Acharya 2003; Söderbaum, Taylor 2007; Лагутина, Михайленко 2020].

В обсуждении региональных сюжетов важнейшей видится *необходимость нового качества евразийских исследований с фокусировкой на постсоветском кейсе*. В последние годы постсоветский геополитический ареал России не только не утратил для нее своего приоритетного значения, но, напротив, его значимость – вследствие ощутимого повышения градуса глобальной турбулентности и ее проецирования на территорию макрорегиона, критически возросла. Этот тренд имеет множественные измерения – от военно-политических и социально-экономических до культурных и духовно-идеологических. При этом решение многих внешнеполитических задач России в отдаленных регионах мира не в последнюю очередь определяется степенью ее эффективности в ближайшем зарубежье.

Во всех редакциях Концепции внешней политики РФ, принятых в течение двух последних десятилетий (2008, 2013, 2016 гг.), в качестве безусловного приоритета в системе международно-политических ориентиров РФ была постулирована значимость сотрудничества с государствами – участниками СНГ. При этом по ряду направлений сотрудничества в практической политике России взаимодействие с новыми независимыми государствами (ННГ) нередко имело не вполне последовательный характер. Что касается международной политики самих новых независимых государств, то в ней уже на исходе первого десятилетия самостоятельного развития возобладала многовекторность, сменившая традиционную пророссийскую ориентацию многих из них. К сожалению, безальтернативной стратегией государственного строительства в ряде сопредельных стран, прежде всего в тех, что до 1991 г. не имели собственной государственности, стала опора на антироссийскую идентичность. Данные практики получали серьезную поддержку крупных внерегиональных акторов – США, ЕС и ряда других стран, которые настойчиво реализуют свои многоплановые интересы и препятствуют укреплению позиций РФ в качестве лидера процессов сотрудничества и развития. Эта внешнеполитическая данность – серьезный вызов российской внешней политике, он обусловливает потребность в переосмыслении ряда прежних установок РФ в отношении ННГ.

В отечественных постсоветских исследованиях был создан серьезный задел: авторитетные научные подразделения по изучению стран постсоветского ареала существуют в МГИМО МИД России, ИМЭМО РАН, Институте славяноведения РАН, Институте этнологии и антропологии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ и других учреждениях, включая региональные университеты и НКО. Однако существующая конфигурация исследовательского процесса определяет фрагментарность изучения ННГ. Актуальная задача политической науки и теории международных отношений – это достижение нового качества евразийских исследований через консолидацию организационных, материальнофинансовых, информационных, кадровых, технологических и иных ресурсов, а также стратегическую координацию их использования.

Публичная политика и международные отношения перед вызовами цифровизации

Отдельным вызовом и одновременно новым горизонтом возможностей политической науки, политического управления и международных отношений предстают сложные и динамические процессы цифровизации, включая использование в политической аналитике больших данных (*Big Data*), искусственного интеллекта (*AI*) и иных новейших технологий. Нет сомнений в том, что цифровизация не является политически нейтральной инструментально-технологической инновацией в системе государственного управления. Ключевое влияние цифровизации состоит в том, что она содействует переходу от жесткой иерархически-централизованной конфигурации управления не просто к гибкой, но по сути – к интерактивной. Политическое управление на цифровых платформах открывает принципиально новые возможности управления, а также сотрудничества государства и граждан. Алгоритм этого перехода включал использование электронных публичных услуг, электронное участие, прямую коммуникацию и предложенную в рамках сетевой теории публичного управления концепцию *управления без правительства*.

Новейшие исследования показывают, что революционным свойством четвертого по счету поколения коммуникационных технологий стала возможность реализации непосредственных взаимодействий между пользователями распределенных сетей, минуя третью сторону, в том числе в лице государства. Смысл цифровизации публичного управления состоит в том, что информационные технологии из инструмента обеспечения эффективности политических взаимодействий превращаются в активных посредников, формирующих искусственную среду познания и деятельности. Изучение возможностей цифровых технологий в управлении позволяет выявить такие их преимущества, как новая степень надежности и безопасности, децентрализованный сетевой дизайн, снижение транзакционных издержек, транспарентность действий и их конфиденциальность, увеличение скорости, возможности мониторинга всех алгоритмов и этапов управленческих процессов [Политическая онтология цифровизации... 2022: 13, 8]. Однако очевидно также многообразие рисков и издержек, что закономерно для столь революционного преобразования, включая возможности делегитимации политической власти. Насущная задача исследователей состоит в разработке управленческих дизайнов и алгоритмов цифровых платформ, не противоречащих аутентичным смыслам государственного управления.

Одним из таких нормативных смыслов видится укрепление национально-государственного суверенитета в его цифровом измерении. На этапе формирования интернет-пространства бытовало представление о его “неделимости” и неподвластности контролю с какой бы то ни было стороны. Но в последние годы специалисты не просто фиксируют фрагментацию интернета, а также констатируют систематические усилия государств по контролю за “национальными” интернет-пространствами. Общепризнанным фактом стало наличие цифровых границ и возможности деглобализации интернета [Дегтерев 2022: 367].

Для понимания сложностей и возможного алгоритма реализации стратегии цифрового суверенитета надо принять во внимание, что если в содержательном плане решимость России достичь суверенного интернета присутствует, то в плане технологического фундамента страна испытывает существенные сложности, без преодоления которых полноценная суверенизация невозможна. Сейчас основная конкуренция в сфере цифровой инфраструктуры развернулась между США и КНР. В условиях кризиса доступ отечественных

разработчиков к передовым зарубежным достижениям существенно сократился, что заставляет форсировать усилия не только разработчиков собственных коммуникационных инструментов и платформ, но также политических аналитиков, чья деятельность призвана хотя бы частично компенсировать уязвимость технической инфраструктуры.

Использование искусственного интеллекта способно существенно повлиять на управление международной средой и политическими процессами в целом. Понятие AI объединяет разнообразные возможности интеллектуальных систем выполнять творческие задачи и функции, которые традиционно считались исключительной прерогативой человека; это также наука и технология создания интеллектуальных машин, включая разработку интеллектуальных компьютерных программ. Существуют различные режимы использования данной технологии. Слабый AI предполагает возможность воспроизводить и усиливать когнитивные способности человека; сильный AI способен к саморазвитию и обучению, что означает комплексное моделирование человеческого интеллекта.

Развитие AI в XXI в. стало точкой интенсивного приложения сил и сферой конкуренции крупных держав. На национальном уровне великими державами разрабатываются стратегии развития AI, включая – что характерно – создание суверенного AI. США сохраняют статус лидера в области AI; его движущей силой остается Пентагон, а важнейшим драйвером – Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов – структура по исследованиям и разработкам Министерства обороны США (DARPA). К тому же на протяжении последних лет созданы новые институты и приняты новые программные документы, в которых четко обозначены принципы и цели национальной стратегии США – сохранение лидерства в области развития и применения AI.

От США не отстает и Китай, еще в 2017 г. принявший "Программу развития AI нового поколения до 2030 г." как стратегию достижения глобального лидерства в данной сфере. Эта стратегия не осталась на бумаге – в развитие искусственного интеллекта инвестированы астрономические суммы: до 2030 г. планируются вложения общим объемом 1,5 трлн долл.

Россия, увы, пока не входит в число лидеров по развитию AI, однако страна формирует собственную повестку дня по его использованию. В 2021 г. Альянсом в сфере искусственного интеллекта, Аналитическим центром при Правительстве и Минэкономразвития был подписан знаковый документ – Национальный кодекс этики ИИ, разработанный ими с учетом Национальной стратегии развития ИИ, Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции регулирования ИИ и робототехники и ратифицированных Россией международных договоров.

На глобальном уровне стратегия развития искусственного интеллекта обсуждается в связи с тематикой международной безопасности, устойчивого развития и прав человека. В практику вошла цифровизация дипломатической деятельности на институциональном уровне. Выделяют три основных аспекта использования ИИ в дипломатии: 1) как тема для переговоров; 2) как дипломатический инструмент; 3) как фактор изменения переговорного контекста [Höne 2019: 9-10; Гришанина 2021].

Для стимулирования междисциплинарного синтеза и эмпирической обработки больших массивов данных по предметным областям политической науки и международных отношений России требуется формирование целостной научной инфраструктуры, включающей соответствующие программы

подготовки на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, учебную литературу, специализированные компьютерные базы данных и образовательные школы. МГИМО в полной мере приступил к созданию своеобразной экосистемы: обеспечен полный цикл подготовки специалистов высокого уровня – от Горчаковского лицея до докторантуры.

Наш опыт показывает, что создание подобных "экосистем" возможно в случае тесной координации политики Министерства науки и высшего образования РФ, ведущих вузов и институтов РАН международного профиля, профессионального сообщества (РАМИ, РАПН, ФУМО и др. структуры) и основных заказчиков внешнеполитической экспертизы, а также при формировании механизма стратегических коммуникаций в рамках этих учреждений. Коллеги из классических университетов сформировали Университетский консорциум исследователей больших данных, ключевой задачей которого стало объединение образовательных структур, реализующих фундаментальные и прикладные исследования в области сбора и анализа больших данных. По-видимому, необходимо формирование отдельного консорциума по использованию больших данных в политических, и шире – в общественных науках. 1 сентября 2021 г. было подписано соглашение о сотрудничестве МГИМО с Институтом системного программирования РАН, в соответствии с которым политологи и международники будут осваивать навыки и компетенции работы с такими востребованными в постпандемическом мире инструментами, как технологии машинного обучения, большие данные, искусственный интеллект. Вместе с тем очевидна потребность в институциональной перезагрузке национального уровня – востребована концептуализация интеллектуального производства, фактически – создание системы производства содержательных смыслов, обеспечение их трансляции в "большое общество" и их конвертация в содержательно и технологически продуктивные решения. В условиях высоких темпов изменений важен также динамизм этих процессов, что, в свою очередь, предполагает и межпоколенческий динамизм, или, как принято говорить, действенную систему вертикальной социальной мобильности. Именно в ее рамках понятие социального лифта наполняется реальным содержанием. МГИМО в этом вопросе проводит проактивную политику, и неслучайно большинство проректоров и деканов университета – международники нового поколения.

УКРЕПЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ПЕРЕД ЛИЦОМ ВНЕШНЕЙ ОПАСНОСТИ

Размышляя далее в русле заявленной темы, позволю себе затронуть тему *ценностей,* которые, несомненно, играют существенную роль в политике. В формировании ее ценностного каркаса трудно переоценить роль исторического сознания, поскольку именно исторический опыт формирует систему координат для оценки текущих событий и обоснование надежного прогноза перспективного развития. Очевидно, что понятие суверенитета охватывает не только экономику, политику и цифровизацию, но также сферу ценностей. Россия имеет ощутимый задел в формировании смысловых концептов для трансляции своей "дискурсивной силы", т.е. новых идей, норм и стандартов. В 2020 г. были приняты важные поправки в Конституцию; в июле 2021 г. утверждена новая редакция Стратегии национальной безопасности РФ. Важную роль в ней играет раздел, связанный с защитой традиционных российских ду-

ховно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Фактически речь идет не просто об информационной безопасности, или информационном суверенитете России, а о "ценностном суверенитете" страны, об устойчивости российского общества по отношению к внешней ценностной экспансии и внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию.

К числу последних относится, например, целая совокупность течений, условно называемых *новой этикой,* со многими направлениями которой сложно солидаризироваться; тем более недопустимо навязывать их новому поколению. Потому перед отечественными политологами стоит задача деконструкции и декомпозиции идеологических концептов и, что еще более значимо, – *предложение нового логоса и нового этоса,* предполагающих бережное отношение к традиционным духовно-нравственным ценностям. Однако задачей *сохранения* перспективная стратегия категорически не должна ограничиваться – востребовано деятельное и творческое *развитие*.

Необходимо формирование атмосферы созидания и творческого, деятельного патриотизма. При этом – подчеркну – речь не идет об отрицании западной культуры, которая (в сочетании с системой традиционных политических структур) на протяжении столетий выступала референтной для отечественного социума. Ситуация много сложнее. Парадоксально, что страна, которая на протяжении 70 с лишним лет была цитаделью атеизма, сегодня предстала охранительницей системообразующих – *христианских по генезу* – ценностей и институтов европейской культуры. В основании этого здания – *история, государство, семья*. После объявленных ЕС и США весной 2022 г. антироссийских санкций этот перечень можно дополнить такими нормами, как презумпция невиновности и частная собственность.

В контексте обсуждения роли ценностей в мировой политике закономерной представляется значительная нормативная составляющая политологии. Российские исследователи все настойчивее пишут об исчерпанности парадигмы "освоения", необходимости критического анализа и осмысления незападных теорий международных отношений, желательности прорывного самостоятельного развития и востребованности проактивного концептуального развития [Дегтерев 2022]. В этом контексте особое значение приобретает структурирование, консолидация и укрепление российского сообщества международников на базе РАМИ, формирование постоянных (а не *ad hoc*) исследовательских комитетов по основным направлениям международных исследований. Важную роль играет выстраивание системного сотрудничества с обширной сетью международников из стран 'Глобального Юга' (Азия, Африка и Латинская Америка). Использование дистанционных коммуникативных технологий позволяет сократить до минимума связанные с этим финансовые затраты и более активно вовлекать российских исследователей в формирование незападного дискурса по МО. Механизмом успешного развития российского сообщества международников может стать здоровая конкуренция (как между вузами, так и между институтами РАН), а также страновая и функциональная специализация вузов. Кроме того, значимость ценностной компоненты в деятельности университетов подвигает их к работе с местными и региональными сообществами. Университеты, особенно региональные, призваны не только работать с местными властями и бизнесом, но также формировать развивающую внешнюю среду.

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРСПЕКТИВАХ И УРОКАХ ИСТОРИИ

И в заключение о *перспективах* – третьем по перечислению, но ключевом по значимости звене в системе приоритетов нашей повестки дня. Содержательное наполнение будущего определяется успешностью в реализации отмеченных выше задач. Но не только. Как ни парадоксально прозвучит, но проектирование будущего содержательно связано с сущностным пониманием истории: именно глубинное знание истории предоставляет критерий оценки перспективности тех или иных проектных инициатив.

В ушедшем году исполнилось 30 лет с момента распада Советского Союза. Я хорошо помню тот период и могу засвидетельствовать: накануне подписания Беловежских соглашений даже в политической среде доминировало убеждение, что распада страны удастся избежать – ведь проведенный в марте 1991 г. референдум показал убежденность трех четвертей граждан Союза в необходимости его сохранения. В прошедшие 30 лет в общественной дискуссии неоднократно поднимался вопрос о том, кто больше виноват в распаде страны. Мне в связи с этим вспоминается фраза Талейрана, предпосланная в качестве эпиграфа к мемуарам последнего председателя Государственной Думы Михаила Родзянко: “Никто не устраивает революцию, и никто в ней не повинен. Виновны все”. Эту горькую констатацию можно отнести и к событиям 30-летней давности... Хочу проакцентировать тем самым, что историческую ответственность нельзя считать монополией лишь политиков: ее разделяет политический класс в целом, неотъемлемой частью которого являются также эксперты и исследователи. Давайте помнить об этом.

Жизненный и политический опыт убеждает: успех сопутствует тем, кто, помня о прошлом, способен адекватно анализировать стремительно меняющийся мир, адаптироваться к изменяющимся условиям, умеет – нет, не угадывать – а на научной основе предвидеть контуры будущего, выдвигать надежные прогнозы и воплощать построенные на их основе сценарии.

DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02

RUSSIA AND POLITICAL ORDER IN A CHANGING WORLD: VALUES, INSTITUTIONS, PROSPECTS

A.V. Torkunov[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

TORKUNOV, Anatoly Vasilyevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Full Member of RAS; Rector, MGIMO University, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Torkunov, A.V. (2022). Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects. *Polis. Political Studies*, 5, 7-22. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02

Received: 02.07.2022. Accepted: 05.08.2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the most promising and popular strategies for the development of modern political science and the theory of international relations. In conditions of strategic instability, effective institutions of both national and global governance, designed to establish norms of collective action, are in demand. However, many of them, need to improve their efficiency. The author argues that the UN remains an key institution for international law, providing representativeness, regulation, and carrying out a political mission and a functional role. New structures are being created along with traditional international organizations, and rising powers are gaining influence. Contrary to popular belief, the rise of international institutions is not associated with a reduction in the role of the nation-state. The author believes that the idea that the threat is primarily posed by the so-called excessively ‘rigid’ states is flawed: at present, a kind of ‘conceptual rehabilitation’ of the effective states with a stable central government is overdue. In the context

of global turbulence, the greatest danger is not 'tough', strong states, but 'weak' and 'fragile' – insolvent – ones. The consideration of the regional dimension of modern political processes in the article reveals some evidence of the erosion of the vector of globalization during the massively increasing regionalization in its various manifestations, including macro-regionalization and glocalization. Within the study of methodological perspectives of regionalism, regional diversity and regional cooperation, both qualitative methods and quantitative strategies are used. Political governance and international relations, which represent a separate challenge and at the same time a new horizon of opportunities for political science, are the processes of comprehensive digitalization, including the use of big data (Big Data), artificial intelligence (AI) and other new technologies in political analytics. Big Data, artificial intelligence and other new technologies in political analytics is a new challenge and at the same time a popular prospect for political science and IR theories. This contributes to Russia's efforts to form a digital sovereignty-related agenda in this area. In order to stimulate interdisciplinary synthesis and empirical processing of large amounts of data on the subject areas of political science and international relations in Russia, it is necessary to form an integral scientific infrastructure, which MGIMO participates in developing with the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Strengthening the value sovereignty of the Russian Federation in the face of external danger involves improving its axiological framework, within which it is difficult to overestimate the role of historical consciousness: it is historical experience that forms the coordinate system for assessing current events and justifying a reliable forecast of long-term development. The natural driver of this process is universities, which, in cooperation with local and regional communities, form vectors of socio-cultural activity and responsibility.

Keywords: Russia, USA, political science, theory of international relations, political studies, political order, Russian Association of Political Science.

References

Acharya, A. (2003). Democratization and the prospects for participation regionalism in Southeast Asia. *Third World Quarterly*, 24(2), 375-390.

Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Ed.). (2018). Comparative area studies: methodological rationales and cross-regional applications. Oxford: Oxford University Press.

Bigo, D. (2000). When two become one: internal and external securitisations in Europe. In M. Kelstrup, & M.C. Williams (Ed.), International Relations Theory and the Politics of European Integration: Power, Security and Community (pp. 171-204). London: Routledge.

Bobbitt, Ph. (2003). The shield of Achilles: war, peace, and the course of history. London: Gardners Books.

De Lombaerde, P., Söderbaum, F., Van Langenhove, L. & Baert, F. (2010). The problem of comparison in comparative regionalism. *Review of International Studies*, 36(3), 731-753. https://doi.org/10.1017/S0260210510000707

Gaman-Golutvina, O. (2008). The changing role of the state and state bureaucracy in the context of public administration reforms: Russian and foreign experience. *Journal of Communist Studies and Transition Politics,* 24(3), 37-53. https://doi.org/10.1080/13523270701840449

Höne, K.E. (2019). Mediation and artificial intelligence: notes on the future of international conflict resolution. Geneva: Diplofoundation.

Katzenstein, P.J. (2005). A world of regions: Asia and Europe in the American imperium. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

Kostovicova, D., & Bojicic-Dzelilovic, V. (Ed.) (2009). Persistent state weakness in the global age. Famham: Ashgate.

Mahoney, J. (2021). The logic of social science. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Nettl, J.P. (1968). The State as a conceptual variable. *World Politics*, 20(4), 559-592.

Ohmae, K. (2000). The invisible continent. four strategic imperatives of the new economy. New York, NY: Harper Paperbacks.

Simmons, E., & Smith, N. (Ed.). (2021). Rethinking comparison innovative methods for qualitative political inquiry. Cambridge: Cambridge University Press.

Söderbaum, F. (2009). Comparative regional integration and regionalism. In: T. Landman & N. Robinson (Ed.). *The SAGE Handbook of Comparative* Politics (pp. 477-496). London: Sage.

Söderbaum, F. & Taylor, I. (Ed.). (2007). Micro-regionalism in West Africa evidence from two case studies. Discussion paper 34. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet.

Akhremenko, A.S., Gorelskiy I.E., & Melville A.Yu. (2019). How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political Studies*, 2, 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02

Baranovskii, V. (2021). Mezhdunarodnyi landshaft: epokha peremen [International landscape: the epoch of changes]. Moscow: Ves' mir Publishers. (In Russ.)

Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Political science facing the challenges of modern politics. To the 60th Anniversary of RPSA/SPSA. *Polis. Political Studies*, 1, 8-28. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.02

Hegel, G.W.F. (1993). Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte. (Russ. ed. Hegel, G.W.F. Lektsii po filosofii istorii. St. Petersburg: Nauka).

Grishanina, T.A. (2021). Artificial intelligence in international relations: the role and directions of research. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International Relations*, 4, 10-18. (In Russ.) https://doi.org/28995/2073-6339-2021-4-10-18.

Degterev, D.A. (2022). Value sovereignty in the era of global convergent media. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(2), 352-371. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371

Istomin, I.A. (2021). Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike [The logic of states' behavior in international politics]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Lagutina, M.L., & Mikhailenko, E.B. (2020). Regionalism in the global era: a review of foreign and Russian approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(2), 261-278. (In Russ.) https://doi.org/22363/2313-0660-2020-20-2-261-278

Smorgunov, L.V. (Ed.). (2022). Politicheskaya ontologiya tsifrovizatsii i gosudarstvennaya upravlyaemost' [Political ontology of digitalization and state governability]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Solovyev, A.I. (2021). Conflict facets of the cultural field of Russian politics. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science,* 61, 263-271. (In Russ.)

Torkunov, A.V. (2019). International studies: chaos or pluralism? *Polis. Political Studies*, 5, 7-18. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.02

Torkunov, A.V. (2020). Expanding the boundaries of the social-humanitarian knowledge of the world. *RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 694-703. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. 2019. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-23. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02.

Барановский В.Г. 2021. *Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика*. М.: Весь Мир.

Гегель Г.В.Ф. 1993. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука.

Гришанина Т.А. 2021. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. № 4. С. 10-18. https://doi.org/28995/2073-6339-2021-4-10-18.

Гаман-Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН/РАПН. *Полис. Политические исследования*. 2016. № 1. С. 8-28. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.02

Дегтерев Д.А. 2022. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 22. № 2. С. 352-371. 10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371

Истомин И.А. 2021. *Логика поведения государств в международной политике*. 2-е изд. М.: Аспект Пресс.

Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. 2020. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 20. № 2. С. 261-278. https://doi.org/22363/2313-0660-2020-20-2-261-278

Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. 2022. Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс.

Соловьев А.И. 2021. Конфликтные грани культурного поля российской политики. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. № 61. С. 263-271.

Торкунов А.В. 2019. Международные исследования: хаос или плюрализм? *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 7-18. https://doi.org/10.7976/jpps/2019.05.02

Торкунов А.В. 2020. Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 694-703. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703